

Глава 56. Их детство (2)

Ю Шань увидела во сне своё детство.

Ей уже много лет не снилось ничего о тех временах, потому что она не из тех, кто застревает в прошлом. Сколько бы лет ни прошло, ей казалось, будто она так и осталась в бунтарском возрасте: чем сильнее ей что-то запрещали, тем яростнее она лезла именно туда, куда не следует. Ещё до развода мать и отец говорили, что она ничего не боится и однажды непременно вляпается в беду. В итоге на правильный путь она и правда не встала.

Нельзя сваливать чужую испорченность на среду.

Поэтому Ю Шань, и когда обманывала, и когда убивала, никогда не оправдывалась словами вроде: «Я стала такой, потому что у меня была плохая жизнь». Это отговорки слабых и никчёмных людей. Если ты дрянь, значит, ты дрянь. Какого чёрта ещё городить?

Она жила себе прекрасно.

У Ю Шань были отец, две матери, младший брат — а позже и младшая сестра.

Её родная мать развелась с мужем вскоре после рождения дочери и даже ребёнка не забрала. Ю Шань рано всё понимала и считала, что та поступила правильно. Мужчина, которого она называла отцом, был религиозным фундаменталистом с крайним стремлением всё контролировать, со склонностью к домашнему насилию, отвергавшим и естественные науки, и саму человеческую природу. Ну а дочь, которая потом выросла и занялась поджогами и убийствами, ушла не так уж далеко.

Возможно, преступные гены действительно передаются по наследству.

Только вот её младшему брату это не передалось. Он был ребёнком её отца и его второй жены, и по характеру пошёл в мать — тихий, застенчивый. Ю Шань помнила, как носилась по двору с мячом вместе с уличной шпаной, а маленький Ю Лянь просто сидел в стороне и смотрел.

— Иди к нам играть, — с широкой душой позвала его Ю Шань.

— ... Я боюсь, они меня побьют, — сказал Ю Лянь.

— Этот старый труп дома опять тебя трогал? — нахмурилась Ю Шань и со злостью пнула мяч.
— Я его пока не одолею, но с этой мелкотой справлюсь. Не бойся. Если кто тебя тронет, я сама ему врежу.

Старик был уже в возрасте и умел только нести всякую чушь вроде: «мирские школы развращают детей», «современная медицина — заговор Сатаны», «аборты против воли божьей», «женщины должны подчиняться мужчинам», «гомосексуальность — преступление», «учёные, учителя и врачи заслуживают смерти». Маленькая Ю Шань от природы была упрямой и всё это пропускала мимо ушей. Ей казалось, что стоит ей вырасти и стать сильной, как она больше не будет бояться ни людей, ни чего-либо вообще.

А потом, когда ей исполнилось четырнадцать, отец напился, взбесился от её дерзкого отпора и ударил её по голове домашним огнетушителем. Ю Шань не могла сопротивляться. Она убежала в туалет, заперлась изнутри и, трясаясь под нависшей совсем близко тенью смерти, ждала, пока плач Ю Ляня не отвлечёт мужчину. После этого она в одной ночной рубашке, босиком, вылезла через окно прямо на улицу и больше домой не вернулась.

Она сбежала.

Позже, вспоминая тот день, который перевернул её судьбу, Ю Шань всегда думала: Ю Лянь тогда заплакал нарочно. Он знал, что отец ненавидит, когда мальчики плачут. А ещё особенно бесился от того, что Ю Шань, будучи девчонкой, характером пошла в него, а сам Ю Лянь не смел ни этого, ни того и ещё, ко всему прочему, тайком от родителей надевал платья старшей сестры.

Бить.

А если не исправится — бить до полусмерти.

Ю Шань догадывалась, зачем отец с огнетушителем пошёл в комнату Ю Ляня. Но так и не сделала того, что обещала: не защитила младшего брата.

Она без оглядки бросила и единственного близкого человека, и все кошмары своего детства.

Спустя больше десяти лет Ю Шань выросла и, оглянувшись на собственную жизнь, поняла, что ничего хорошего за собой не помнит. Зато жила без совести и с удовольствием. Каждый год она переводила младшему брату немного денег, причём так, чтобы это трудно было отследить. В тот единственный раз, когда они увиделись лично, Ю Лянь сказал, что сменил имя. Ю Шань ответила: ладно. И с того дня во всём мире она была первым человеком, кто по собственной воле называл его Ю Лянь и Мариан.

* * *

Ли Вэй снова учился на ходу.

Дрейтон велел ему учиться либо заставлять злых духов делать то, что ему нужно, либо сразу вытаскивать из них способ, которым их можно убить. Ли Вэй поучился и в итоге свёл всё к двум маршрутам: либо убеждать логикой, либо «убеждать логикой».

Ю Лянь тоже не относился к тем, кто, как морской демон Маджер, берёт грубой силой. Ли Вэй не спускал с него глаз. Тот несколько раз пытался тайком вызвать стражу снаружи, но его останавливали пули: на расстоянии десяти шагов они всё ещё летели быстро, а ближе десяти — ещё и удивительно точно. По идее, у него должны были оставаться и другие способы сопротивления, но он лишь сидел в кресле с безупречной мягкой грацией и улыбался Ли Вэю.

Ли Вэй не удержался и спросил:

— Ты даже не попытаешься побороться?

Ю Лянь покачал головой:

— Не пойми неправильно. Не то чтобы я не хочу. Просто здесь меня ограничивают правила. Ты очень удачно встал на самой границе, за которой мои способности уже не работают. Если я тебя убью, сам заплачу за это слишком высокую цену. Так зачем? К тому же я тебя ненавижу, но не до такой степени, чтобы действительно хотеть увидеть мёртвым.

Вот так удача. Ли Вэй подтащил стул и сел, очень вежливо сказав:

— Тогда давай поговорим. Я же говорил, что пришёл сюда убивать. Есть какие-нибудь последние слова?

— Так сразу? — улыбнулся Ю Лянь. — А я-то думал, ты человек довольно романтичный. Неужели совсем не умеешь быть нежным с красивыми?

Ли Вэй пожал плечами:

— К сожалению, ты не в моём вкусе. А мой вкус в последнее время как раз насильно пичкает меня весьма мучительными методами.

Если бы Дрейтон сейчас был рядом, он бы снова выругался про себя, что у Ли Вэй рот не закрывается.

Улыбка Ю Ляня слегка поблекла.

— Хочешь вытащить из меня мою одержимость, а потом убить? — сказал он. — Неудача. Я с детства привык терпеть мучения. Давай лучше так: я задам тебе несколько вопросов, ты ответишь честно, потом я расскажу тебе о своём прошлом, а ты уже попробуешь сам вывести из этого способ меня убить. Ну или, если тебе так хочется тратить время, можешь сначала попробовать на мне те методы, которым тебя научил любимый человек.

— Не смотри, что я такой. Учился я очень старательно, — серьёзно сказал Ли Вэй. — Он даже похвалил меня и назвал хорошим учеником. Раз уж ты говоришь, что твоя история похожа на мою, тогда скажи, тебе нравится, когда тебя гладят по голове и хвалят?

□«Умница, Ларк».

Райнер Ливиус потрепал мальчика по тёмным кудрям. — На этот раз у тебя получилось лучше, чем раньше.□

Ли Вэй поднял ствол и провёл холодным металлом по краю уха Ю Ляня, а потом упёр его в сонную артерию на шее, чувствуя, как под дулом пульс начинает всё сильнее сбиваться.

— Я тут увидел один, говорят, очень действенный метод. Когда пытаются разговорить человека, на которого не действует даже детектор лжи, обычно делают так...

Девятимиллиметровый ствол втиснулся между его подбородком и спинкой кресла.

— Устраивают контролируемые циклы удушья, каждый раз ровно на грани, когда участок памяти вот-вот сорвётся с цепи. В тот миг, когда ты уже почти умираешь и снова падаешь в глубокую воду собственных воспоминаний, а потом с трудом выбираешься наружу, я скажу тебе...

Ли Вэй наклонился к нему и прошептал:

— Умница, Мариан. Ты хорошая девочка. На этот раз у тебя получилось лучше, чем прежде.

«...»

Ю Лянь смотрел на него чуть расплывшимся взглядом.

А в следующую секунду Ли Вэй внезапно отёрнул руку.

— Хотя нет. Всё-таки я не собираюсь говорить слишком много сладких слов незнакомому человеку.

Он вытер ствол, снова откинулся на спинку стула и сказал:

— Ну? Какие у тебя вопросы? Спрашивай.

Ю Лянь внимательно посмотрел на него. Когда он заговорил снова, то даже слегка запнулся:

— Я... м, всё тот же вопрос. Твой отец тебя бил?

— Нет, — ответил Ли Вэй. — Я был его сыном, его семьёй. Меня он редко бил.

На последнем «меня» он сделал ударение.

— Напротив, он часто меня поощрял, хвалил, исполнял мои мелкие желания, пока я не шёл против него.

— Но он мучил других живых существ, в том числе крупных животных, — голос Ли Вэя был спокоен. — Он показывал мне их реакцию и учил понимать, что перед болью и смертью все существа равны.

Ю Лянь слушал очень внимательно. В глазах у него постепенно проступила прозрачная влага.

— Бедный ребёнок... да хранит тебя Бог.

Он мягко сказал:

— Мой отец бил и меня, и мою сестру. Вообще он больше любил мою сестру Ю Шань, но она была девочкой, а женщин он презирал.

Ли Вэй усмехнулся.

Ю Лянь продолжил:

— Он верил в Бога. Иисус Христос родился от девы, а значит, женщинам нельзя получать сексуальное образование, до брака они обязаны сохранять чистоту, а после свадьбы им нельзя предохраняться. Услышав это, моя сестра заявила, что, когда вырастет, будет каждую неделю спать с новым мужчиной, потом убивать его и искать следующего.

— Эм-м... — осторожно сказал Ли Вэй. — Твой отец нёс полную чушь. Но убийства — это всё-таки нехорошо.

Ю Лянь улыбнулся:

— Я знаю. Но это была моя сестра, поэтому я её поддерживал. И она всё это время поддерживала меня. Я хотел носить платья — она тайком таскала мне их из шкафа, чтобы отец не заметил. Я хотел сменить имя — и, представляя меня друзьям, она говорила только, что у неё есть младшая сестра.

Он задал второй вопрос:

— Тебя кто-нибудь обижал в твоём возрасте? Нет, не так. Дай лучше спрошу иначе... тебе было одиноко?

«...»

Ли Вэй потёр висок и выругался:

— Что за дурацкие вопросы вообще? Ты по какой специальности учился в университете?

—? — Ю Лянь моргнул. — Я в университет не ходил. Отец презирал современное образование. Но в свободное время я много читал.

— Ладно. — Ну конечно. Если в школе не учился, многое становится понятнее. Ли Вэй пошёл на уступку. — Одиночество — вещь субъективная. Я не был одинок, но, если говорить строго, общество много раз меня отвергало.

— Наверное, это началось ещё в средней школе, — нехотя вспоминая, продолжил он. — Я учился в крошечном местечке, в городке с населением меньше двух тысяч. Тогда я ещё ничего не понимал, а какие-то дети узнали, что я умею свежевать животных и делать из них чучела, и начали меня за это травить.

— Потом я поступил в университет в другом городе и уехал из дома. Пожалуй, это было самое счастливое время в моей жизни: высокие баллы, большая дорога впереди, вокруг полно друзей, с которыми приятно быть рядом.

Ли Вэй ненадолго задумался.

— А потом я не пошёл работать по специальности и стал уборщиком.

— Что тут скажешь... — Он развёл руками. — К тому, что на меня смотрят сверху вниз по самым разным причинам, я уже привык.

Он опустил множество деталей и пересказал всё очень кратко. Ю Лянь в какой-то миг явно захотел утешающе коснуться его пальцев, но Ли Вэй тут же поднял пистолет.

Тогда Ю Лянь снова сел ровно и сказал:

— Я убил своего отца, а потом жил под чужим именем. Я лгал Ю Шань, будто отец всё ещё жив. Я не понимаю, почему она так и не вернулась, чтобы его убить. Долгое время я из-за этого её ненавидел.

Ли Вэй задумчиво произнёс:

— То есть твой отец мёртв, а твоя одержимость осталась только в «Юаньяне»... Ты назвал свою территорию поездом «Юаньян», сидишь за занавеской и любишь уродством пассажиров, а Ю Шань даже не знает, что начальник поезда — это ты? Честно говоря, когда я впервые увидел правила, мне показалось, что тут кого-то довели до безумия бесконечными разговорами о браке.

— У меня было несколько отношений, — опустил голову Ю Лянь и коснулся пальцами кадыка. — И все кончались плохо. Тех, кого любил я, не любили меня. Те, кто добивался меня, всегда имели скрытые цели. И иногда я спрашиваю себя: неужели любовь другого человека и правда может смягчить врождённое одиночество?

Он посмотрел на Ли Вэя:

— После всего, что тебе пришлось пережить, ты по-прежнему веришь в любовь? И можешь любить кого-то без остатка? Этот человек — Уильям Дрейтон?

— Ответь мне честно. Это последний вопрос.

Ли Вэй поднялся на ноги и молчал.

Ю Лянь коснулся кончиками пальцев его руки и тихо спросил:

— Зверь по имени «прошлое», который всё это время гнался за тобой, наконец тебя отпустил?

Ли Вэй смотрел на него сверху вниз. Несколько секунд молчал. Кожа вокруг глаз чуть покраснела.

— Никогда, — сказал он.

— ... Понятно.

Даже такой человек, как Ли Вэй, не смог уйти от собственной тени.

Ю Лянь с облегчением вздохнул:

— Как бы там ни было, ты и твой партнёр... прости, коллега — всё равно одни из самых милых людей, которых я видел. Возвращайся. Кто-то поймал мою сестру. Она может погибнуть. Убить её или спасти — решать тебе.

Если погибнет Ю Шань, он тоже исчезнет.

По сути, он передал выбор Ли Вэю.

Но Ли Вэй, хотя и стоял в головном вагоне, сказал:

— С Ю Шань пока всё в порядке. Её похитил Хань Цзэ. Но на поезде, кроме моего коллеги, ещё есть киллер, у которого с Хань Цзэ старые счёты, и агент Федерального бюро расследований, которая шла по следу «Юаньяна».

Ю Лянь удивлённо коснулся серёжки в ухе и рассмеялся:

— Не зря тебя зовут чистильщиком Потустороннего мира.

Ли Вэй мгновенно потемнел лицом:

— Хватит. Только не называй этот позывной при мне.

Слова автора:

Угу, Ли Вэй на связи с начальником. Агент ФБР — это не совсем ружьё, но всё же задел на будущее. ЛЛ это предусмотрел, в следующей главе будет.

Когда Ю Лянь говорит о любви, он имеет в виду не только любовь между людьми в романтическом смысле, а человеческую природу вообще.

Ли Вэй и Дрейтон слегка коснулись края настоящего чувства, но при этом не подыгрывают правилам поездного общества и не пытаются нарочно от них уходить, поэтому на этом поезде они едва ли не единственные нормальные люди (?). Именно из-за этого Ю Лянь не может на них напасть. В следующей главе это будет объяснено, а то вдруг кто спросит, так что я лучше

скажу заранее. С другой стороны, Ли Вэй ему и правда очень нравится, потому что Ли Вэй — это то, каким Ю Лянь сам мечтал бы быть.

ЛЛ сегодня снова выжал ещё немного прошлого (аплодисменты).

<http://bllate.org/book/17014/1653756>